

Евгения Потанова

*Волшебная монетка
или крадник*

12+

Евгения Потапова

Волшебная монетка или крадник

«Автор»

2021

Потапова Е. В.

Волшебная монетка или крадник / Е. В. Потапова — «Автор»,
2021

Надежда была обеспеченной женщиной, но желание мужа иметь престижный и дорогой автомобиль разрушило ее жизнь. Действие происходит в 70-х годах прошлого века в СССР.

© Потапова Е. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	7
Часть третья	10
Часть четвертая	12
Часть пятая	14
Часть шестая	17
Часть седьмая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгения Потапова

Волшебная монетка или крадник

Часть первая

Начало семидесятых годов прошлого столетия. Муж занимает хороший пост в Главке. Дом полная чаша, есть все что надо и все что не надо. Холодильник ломится от деликатесов. Шкаф забит импортными вещами. Большая трехкомнатная квартира сталинка. Везде во всех отраслях свои люди.

Я обычный преподаватель в пединституте с окладом в сто двадцать рублей. Можно было бы и не работать, но мне скучно дома. Не утрудилась, беру столько сколько нужно на ставку, не больше, и не меньше. Идти по карьерной лестнице нет желания, да и в научные сотрудники не стремлюсь. Простой преподаватель обычного советского института.

С мужем два раза в год ездим отдыхать на море, по его должности положен санаторий. Один раз в год отдыхаем у родственников на Алтае. С детьми не получилось, кто из нас виноват, не выясняли, да и не было раньше такого. Жили, душа в душу и жизни радовались. Племянникам помогали, на один летний месяц брали к себе в город.

Свое материальное положение никогда не скрывали. Да и как тут скроешь, не буду же я одеваться на работу в платья от фабрики Большевичка, когда полный шкаф импортных костюмов из креплена и блузок из китайского шелка. Да и пальто у меня были все немецкие из кашемира.

Все у нас было, а вот машины не было. Мужа возили на работу на государственной Победе, да и порой я сама пользовалась его служебной машиной с водителем для своих целей. Как-то ему предложили купить новенькую Волгу, только с завода, правда, чуть дороже, чем от государства, но вот сегодня плати деньги, а завтра за руль садись. А мы тогда только всю мягкую мебель на новую немецкую поменяли, да и спальный гарнитур обновили. Денег практически не осталось. Петенька занял по друзьям и знакомым и отнес перекупщику.

На следующий день не увидела я ни Волги, ни Петеньки. Взяли его прямо на работе, за взятку. Нашли у него в столе деньги, помеченные в конверте. Он клялся и божился, что тех денег не брал, но все, то знали про то, что он крупную сумму собирал на автомобиль.

И понеслись у меня дни, неделя за неделей. Стали на меня напирать со всех сторон кредиторы, а человек, что у нас деньги взял на Волгу исчез с горизонта. Сiju я посреди роскоши, в долгах, как в шелках. Взяла справку у следователя, что у меня муж под следствием и побежала в ЗАГС на развод подавать, чтобы после суда не остаться с голой попой на улице. За десятку красненькую развели нас быстро, без разговоров и расспросов. Хоть здесь мне легче стало. У Петеньки прощение попросила, объяснила ему все в письме, надеюсь, он меня понял.

Получила свою зарплату, еду в автобусе, что-то задумалась. Народу битком, чую, меня кто-то за сумочку дергает. Гляжу, а ее какой-то подлец подрезал и удирает к выходу с моим кошельком. Не пробилась я за ним через толпу народа, не смогла, перед носом дверь закрылась. Вышла на своей остановке, иду, реву, жалею себя.

Домой пришла, деликатесы то все подъедены, только маленький кусочек буженины остался, да пара яиц. Сварганила себе яичницу. Только есть собралась, звонок в дверь. Открываю, стоит девочка, вчерашняя моя студентка, нынешний наш младший научный сотрудник.

– Здравствуйте, Надежда Петровна. Вы меня простите, что я к вам вот так. Вы забыли контрольные работы студентов забрать.

– Здравствуй, Юлечка. Проходи, – пригласила ее в зал.

Юлечка иногда ко мне забежала. Относились я к ней, как к дочери, то кофточку ей французскую подарю, до духи польские. Каждый раз, как к нам приходила, так и восторгалась она нашей мебелью, да хрусталем, да картинами. И в этот раз стала дифирамбы петь.

– Ой, а чем это так вкусно у вас пахнет? – спросила она, и громко сглотнула слюну.

– Яичницей. Хочешь? – и кто же меня за язык тянул.

Слопала Юлечка мой единственный ужин с большим удовольствием, а я слюной давилась и индийским чаем без сахара.

– А где Петр Алексеевич? – спросила она.

– В командировке, – никто не должен знать, что его забрали и он под следствием.

– Надежда Петровна, а что вы такая грустная, случилось что? – спросила девочка, хлопая ресницами.

– Кошелек у меня сегодня из сумочки вытащили, – ответила я, – А там вся моя получка.

– Как жаль, – скорчила она грустную гримасу, – Как хорошо, что вы замужем, и это не последние деньги в вашей семье.

На миг мне показалось, что на ее лице промелькнула тень злорадства.

– Не последние, – тихо сказала я.

Юлечка довольная и сытая ускакала в свое общежитие, а я осталась одна с пустым холодильником и пустым желудком. Мне предстояло жить две недели до аванса, неизвестно на какие деньги. К тому же, я планировала со своей получки отдать хотя бы по десятке людям, которым мы были должны.

Сижу на кухне и смотрю на пустой холодильник. Чего он пустой работает, выдернула вилку из розетки со злости. Все люди, как люди, на зиму варенье, да соленья делают, а я королева, не пристало мне летом у плиты стоять. Вот и сижу, чай вприкуску со слезами пью, хоть бы банка какая, где завалялась.

В дверь кто-то постучал. Открываю, соседка на пороге стоит – баба Валя, в руках полную миску с пирожками держит. Аромат от них идет умопомрачительный.

– Здравствуй, Наденька, я пирожочков много нажарила, думала мои приедут, а их сегодня не будет. Возьми, не побрезгуй. Ты только с работы, наверно еще и сготовить ничего не успела, – протянула мне пирожки бабушка.

– Здравствуйте, баба Валя. Да, не ела еще ничего. Спасибо, – обрадовалась я.

– А Петенька, еще на работе? – заглянула в зал она.

– Ага, – кивнула я, – Задерживается.

– А мои вот, как уехали к теще в Тверскую область, так и никак не вернуться. Уже три недели там торчат, и возвращаться не торопятся, – вздохнула она, – И с пятой квартиры все уехали, и с восьмой, и с девятой.

– Баба Валя, а у вас случайно никакого варенья не завалялось, а то я в прошлом году мало сварила, все уже подъели, – осмелела я.

– Ой, Наденька, конечно есть. Сейчас я тебе пару баночек принесу, – обрадовано всплеснула руками бабушка.

Она ушла к себе, а я задумалась. Дом то у нас от ГЛАВКа, все по родственникам разбрелись, значит, знают уже, что Петю забрали. Трясутся за свои жизни и жизни родных.

Баба Валя – мать нашего соседа, какого-то начальника в ГЛАВКе, Юрия Ивановича. Он ее из деревни к себе забрал, на хозяйство, по дому жене помочь, да за детьми присмотреть. Старушка она безобидная и добрая, но больно уж болтливая. Видно ко мне пришла не из-за пирожков, а узнать подробности. Никому ничего рассказывать не буду, может еще Петеньку выпустят.

Часть вторая

Пока баба Валя ходила за вареньем, я умяла один пирожок с картошкой. Сил не было нюхать такое. Она пришла через пять минут, волоча тяжелую тряпочную авоську по полу.

– Вы что там принесли? – ахнула я, перехватывая у нее тяжелую сумку.

– Там варенье яблочное и вишневое, икра баклажанная, банку открыла, а никто не ест, может тебе куда сгодиться. Еще я щи вчера варила с кислой капусты, целую кастрюлю сварганила. Тебе литровую банку отлила, хоть немного отдохнешь от готовки. Банка с огурцами и помидорами солеными, все свое, домашнее. Ну и квашеной капусты полулитровую баночку положила, – радостно сообщила она, выставляя все из сумки на стол.

– Ого, сколько, я только варенья просила, но за все остальное спасибо огромное, – ответила я.

– Ну, вот Петенька придет вечером с работы, а ты его щами вкусными встретишь и пирожками, а то что не сама готовила, говорить не обязательно, – сказала бабушка.

– Он в командировке, – ответила я.

– Еще лучше, как королева два дня готовить не будешь, – обрадовалась она.

– Может по чайку с вашими пирожками и вареньем? – предложила я.

– А давай, можно и по чайку, – согласилась она.

Попили с ней чай, посплетничали. Она рассказала все последние новости нашего дома. Как хорошо, что я отказалась от домработницы, вот кто сплетни о своих хозяевах разносит. Бабулька, хоть и не домработница, но с этими гражданками любит поговорить. Наболтались мы с ней, словно меда напились. Я про себя ничего лишнего не стала рассказывать, а только сидела, слушала.

Она ушла, а я задумалась на какие деньги мне завтра на работу ехать, ни копейки ведь не осталось. Зашла в коридор, прошлась под всем шкафами, вдруг там где-нибудь монетка завалилась. Нашла три двушки на трюмо, специально откладывали для уличного телефона, мало ли, когда понадобится позвонить. В одну сторону нашла, а вот на обратную дорогу нет денег.

Пошла по квартире по всем тумбочкам и ящикам рыскать. Было несколько юбилейных рублей, но их было жалко тратить. Вдруг я наткнулась взглядом на фаянсовую свинку-копилку. Петя купил ее, кажется в Геленджике, говорил, чтобы у нас всегда денежки водились. Он туда мелочь скидывал, не любит ее, в карманах мешается. Потрясла копилку, в ней что-то звенело.

Покрутила ее, а в ней есть прорезь для монеток, а достать деньги из нее можно только, если разбить копилку. Бросила ее на пол, не разбивается. Легонько стукнула молоточком, стоит целехонькая. Жалко мне стало свинку. Перевернула и попыталась так мелочь вытряхнуть, не получилось. Взяла шпильку, и стала по одной монетки выковыривать. Набрала так три рубля пятьдесят три копейки. Там еще что-то осталось, позвякивало. Не густо, но и не пусто, на проезд хватит и на еду на первое время. а там глядишь что-нибудь еще придумаю.

В холодильнике у меня стояли запасы от бабы Вали: супа на три дня хватит, восемь пирожков, один утром съем, два с собой на работу возьму, ну и варенья с соленьями. Неделю проживу, хорошо помню, как в студенчестве жили, и такое за праздник было. Одну треть мелочи пересыпала в кожаный мешочек, остальное оставила дома, чтобы последние финансы не растерять.

На обед на работу с собой взяла два пирожка, и икру отложила в майонезную баночку. В обед в деканате никого не было, кто-то ушел в столовку, кто-то на занятия. Согрела себе чайник, налила заварки. Достала свой паек и приступила к трапезе, параллельно проверяя контрольные. Тут заходит Юленька, носом так громко воздух втянула.

– Ой, Надежда Петровна, как вкусно пахнет, какая вы хозяйюшка, и работаете и печь еще успеваете, – запела она дифирамбы, приближаясь к моему обеду.

– Юленька, не успеваю я ничего, – рассмеялась я, – Это пирожки с нашего буфета, по десять копеек за штучку. Иди быстрее, может, еще успеешь у голодных студентов парочку из-под носа увести.

Она нерешительно остановилась посреди кабинета, удивленно распахнула на меня глаза. Первый раз ее я не стала угощать. Обычно в столовой обедаю, а если беру из дома пару бутербродов, то один доставался Юленьке. Но мне тогда и не жалко было, девчонка молодая, в общежитии живет, чего она там видела в своей жизни, каких деликатесов. Сейчас же последним делиться мне не хотелось.

– Юля, ты чего хотела? – спросила я девушку, которая переминалась с ноги на ногу.

– У вас вчера кошелек украли, я решила вам подарок сделать за то, что вы ко мне хорошо относитесь, – она протянула мне симпатичный самодельный вязаный кошелечек.

Сделан он был очень аккуратно, и не смотрелся самовязкой. Он имел небольшой железный замочек, и несколько отделений под разные купюры и монетки.

– Какой хорошенький, – я посмотрела на кошелек в ее руках, – Юля у меня руки грязные, ты положи его в ящик стола. Я потом его заберу. Спасибо тебе большое, а то ношу деньги в мешочке.

– Там монетка внутри, волшебная, чтобы всегда деньги водились. Вы ее не тратьте пожалуйста, она удачу приносит, – она вытащила пятак и показала его мне.

– Хорошо, Юлечка, – сказала я, и локтем открыла ящик стола.

Какая девочка хорошая, переживает, что у меня кошелек украли.

Она положила его в стол, немного постояла, словно что-то хотела сказать, но тут зашел наш лаборант и она ретировалась.

– Леша, ты в прошлом месяце у меня три рубля занимал. Вчера была получка. Отдать не хочешь? – поинтересовалась я, жуя пирожок.

– У вас, что с деньгами туго? – спросил он удивленно.

Вот наглец. Мне половина института должна, кто по рублю, кто по трешке, кто по пятерке, а кто и по полтиннику занимал. Отдавал редко кто, но мне особо эти копейки погоды не делали, у нас главный добытчик в семье был Петенька. Надо потрясти эти казенные стены, может, удастся половину долгов выбить.

– Да, Леша, я кошелек дома забыла. Денег на проезд нет, да и молока с хлебом хотела купить. Так что будь добр отдай долг.

– Так, Надежда Петровна, я вам на проезд дам, – обрадовался он и полез в карман за мелочью.

Он выгреб содержимое кармана и стал пересчитывать копейки. С мелочью на ладони лежал смятый рубль. Я выхватила его и сунул в ящик стола.

– Два рубля еще должен остался, – ответила я.

– Ну, Надежда Петровна, я хотел сегодня винца с девушкой попить, – заканючил он.

– Середина недели, и вообще пить вредно, – отрезала я.

Он обиделся и ушел. Пообедала, проверила до конца все контрольные. Вытащила рубль из ящика и сунула его в кармашек сумки. Отправилась на занятия. Отвела две пары. После них по счастливой случайности встретила Льва Олеговича, преподавателя литературы, у которого смогла выдрать три рубля вместо пяти, долга.

Шла домой довольная и счастливая, завтра весь институт обойду, буду собирать долги, пусть, что хотят то и думают про меня. По дороге забежала в магазин купила молока, манки, хлеба и масла сливочного. Сварганю на завтрак кашу манную, когда-то я ее любила.

Домой пришла, стала свои финансы подбивать. Три рубля убрала в ящик, остальное в сумке оставила. Хотела в новый кошелек все переложить, вот только я его на работе в столе забыла. Надеюсь, его никто не уведет.

Вечером позвонил Петин приятель, напомнил, что он у него двести рублей занимал и обещал через две недели отдать. Прошло три недели, а денег что-то не видно. Пообещала в конце недели отдать ему полтинник. Понадеялась на то, что мне вернут долги.

Часть третья

Петя всегда был аккуратный с финансами, все крупные расходы и доходы, долги записывал в небольшой блокнот. Конечно, он не считал траты на еду и на мою одежду, но вот все остальное подлежало учету. Нашла в ящичке стола его записи, графа расходы меня не волновала, интересовали доходы и долги. Оказалось, что ему должны были дать зарплату за прошлый месяц, но в связи с его отсутствием не дали.

Просмотрела раздел "Долги". Он часто давал в долг, да и я сама не отказывала знакомым и приятелям. Посчитала, сколько должны нам, вышла очень приличная сумма – две тысячи двести тридцать пять рублей. Неплохо так. Перевернула пару страниц и посмотрела, сколько он занял денег у друзей на Волгу. В глазах резко потемнело, в голове загудело, видно поднялось давление, во рту пересохло.

Как он мог взять такую сумму, каким местом он думал? Неужели он на самом деле брал взятки. Он сказал, что взял немного в долг, его немного составляло пять тысяч рублей. Это уму непостижимо, сколько лет мне придется все это выплачивать. Если его выпустят, то разбираться он будет сам, а если нет.

У меня тряслись руки, слезы катились по щекам. Зачем ему понадобилась эта чертова машина, он же и водить толком не умеет. Ради престижа можно было и рабочим авто обойтись с водителем. Конечно, при его зарплате мы могли за полтора года рассчитаться со всеми долгами. Если бы нам отдали деньги должники, то и в год уложились.

Со своими 120 рублями я буду все это выплачивать годами. Никогда не брали в долг, даже когда были студентами и жили в общежитии, все всегда сами. Поплакала, потом еще раз заплакала. Петеньку было жалко, что ему неизвестно сколько придется провести за решеткой. Себя жалко, потому что начинать сначала в сорок лет очень тяжело. Да и моя порядочность не позволяла мне сбежать от долгов. Надо было придумывать, как выкручиваться.

На следующий день я обошла весь институт, постаралась вспомнить всех кто мне должен. Потом уже просто подходила наобум к преподавателям и научным сотрудникам, и начинала разговор с фразы, про то, что долги надо выплачивать вовремя. Собрала пятьдесят три рубля. Оказалось, что мне должны порядка двухсот рублей. Немного взбодрилась.

Продукты вечером не стала покупать, там еще оставался борщ, пирожки, хлеб, молоко и соленья. Так сказать сэкономила.

В пятницу мне принесли еще 45 рублей. Значит, я смогу приятелю мужа отдать не полтинник, а восемьдесят рублей. Решила оставить себе 20 рублей на всякий пожарный, надо еще было за квартиру заплатить. В понедельник обещали отдать еще рублей двадцать.

Вспомнила про Юленькин кошелек. Он так и лежал в столе, его никто не подобрал. Это хорошо. Купюры класть туда не стала, а вдруг его опять вынут, сложила в самодельный конверт. В кошелек положила только мелочь.

Вечером пришел приятель мужа за деньгами. Немного под шафе, начал топтать ногами и орать, что мы богатеи не можем ему вернуть долг, брали на две недели, а прошло уже три. Я протянула ему восемьдесят рублей, он продолжил орать. Пообещала ему отдать оставшееся через неделю, но поток негатива не прекращался. Выгребла последние двадцать рублей, он выхватил их из рук, и сказал, чтобы в среду вернула остальное, он с семьей собрался на море.

Стала лихорадочно думать, что же можно продать, с чем расстаться не жалко. Открыла шкатулку с золотом, Петя любил мне делать такие подарки. Некоторые золотые вещи с этикеткой, ни разу не надевала. Почему-то стало жалко.

Разложила на полу, сидела, рассматривала. Вот это колечко Петя подарил мне с первой своей зарплатой, а вот эти серьги на пятилетие совместной жизни, а вот этот браслет на Новый год. Все эти вещи были связаны с воспоминаниями и с хорошей семейной жизнью, с любо-

вью, счастьем, молодостью. Все сложила назад и запихнула под кровать, в самый дальний угол, чтобы соблазнов не было это все заложить.

Полезла на антресоли, а вот тут было где разгуляться. Обуви у меня всегда было много. Вот югославские туфли, которые я купила пару лет назад, но так их ни разу и не надела. Завтра пойду на барахолку и продам их, размер ходовой, не ношенные, в заводской коробке. Отдавала я за них 27 рублей 50 копеек. Думаю рублей за 30-40 их можно продать. Нашла еще одни, производства ГДР, их надевала один раз, жутко натерла ноги и положила до лучших времен. Значит "лучшие" времена настали.

В субботу провела пару занятий. Сразу после института поехала на барахолку с двумя парами обуви. В автобусе оказалось, что я потеряла свой мешочек с мелочью. Нашла на дне сумки пятак и оплатила проезд. Расстроилась, но решила пока не впадать в уныние, рассчитывая продать туфли.

На толкучке народу не протолкнуться. Не стала далеко проходить, расстелила газетку на землю и встала тут же около входа. Простояла два часа, но покупателей так и не нашлось на мою обувь, даже никто не спрашивал, и не останавливались. Было обидно. Простояла до трех часов дня и ушла.

До дома пришлось добираться пешком, денег на проезд не было. Тот пятак, что подарила мне Юленька тратить не стала, ведь он же может привлечь к себе удачу и благосостояние.

Подхожу к двери, а она приоткрыта. Из-за соседней квартиры выглядывает баба Валя.

– К тебе тут кажется залезли воры, – сказала она тихо.

– Они еще там? – спросила я шепотом.

– Нет, я их спугнула, – ответила она, – Поднимаюсь наверх, а тут парень меня какой-то обогнал и начал орать "Шухер, шухер". Они из твоей квартиры выскочили и мимо меня вниз пробежали, чуть меня с ног не сбили.

– Милицию вызвали? – спросила я.

– Нет, не сообразила что-то, сейчас вызову, – сказала бабушка.

– Не надо пока, я сама вызову, – поморщилась я.

В квартире творился полный разгром, все вещи валялись на полу. Видно искали деньги и золото. Прошла в спальню и заглянула под кровать, шкатулка стояла на месте. Содержимое шкафов было раскидано по полу, кровать перевернута.

Я вдруг представила, что сейчас приедет милиция и будет топтаться по моему белью, пачкать мебель, снимая отпечатки, задавать вопросы. Займет уйму времени, а толку никакого. Слезы текли по щекам. В комнату заглянула баба Валя и ахнула.

– Наденька, милицию то вызывать? – спросила она меня участливо.

– Не надо баба Валя, не украли вроде ничего, – я размазывала слезы по щекам, – Надо вот замок новый поставить, а у меня кошелек украли, денег нет совсем.

– Не реви, у меня замок новый есть, я его тебе так отдам. Сейчас Ваську слесаря найду и он тебе все поменяет, – сказала она и исчезла за дверь.

Появилась через пару минут, сунула в руки стакан с валерьянкой и снова пропала за дверь. Валерьянку я выпила залпом, и принялась собирать барахло с пола. Все же они у меня украли шубку каракулевую и шапку норковую, но все это было неплохо поношено.

Часть вещей были сложены в наволочки от подушек, какие продуманные воры. Положили туда два Петиных пальто, его шапку, мое пальто. В верхнюю одежду засунули хрустальные вазы. Кстати, можно продать пару салатников, погоды они мне не сделают, все равно этого добра в избытке.

Через полчаса появился Васька слесарь, который поменял мне замок. Заплатила ему за работу баба Валя, а я теперь еще и ей должна трешку. Жизнь меня что-то последнее время не балует.

Часть четвертая

Половину ночи стирала руками белье. У нас хоть и была машинка стиральная, но вот кружева и тонкие сорочки она рвала. В машинку отправилось постельное белье. Сначала плакала, было противно и неприятно, а потом как-то успокоилась.

Стала в мыслях перебирать все варианты, вещей у нас было много, от половины можно смело избавиться, и не заметно будет. Схожу к Пете на работу, может, отдадут его зарплату. У себя напишу заявление на материальную помощь. Буду требовать Петиных должников. План действия составила и как-то сразу легче стало.

Утром встала пораньше, чтобы придти на барахолку одной из первых и занять хорошее место. Вчера мне наверно не повезло из-за того, что встала не там. В сумку положила два больших хрустальных салатника и две пары обуви, и отправилась за деньгами.

На рынке уже бродили продавцы, подыскивая себе хорошие места. Я встала посередине, чтобы мимо меня никто не прошел. Светало, народ начал подтягиваться за покупками. Занимали соседние места разные граждане, бабушки со старинными статуэтками, вязаными носками и шальями, огромные детины с разными деталями и запчастями. Здесь можно было найти все, что угодно, и продать все, что завалилось.

Однако, удача снова от меня отвернулась. Люди покупали у моих соседей, но проходили мимо меня, даже не спрашивая. Вдруг около меня произошла стычка между карманником и ответственным гражданином. Они слегка подрались, и один из них наступил в мой салатник, и раздавил его. Я стала кричать и ругаться, что, дескать, испортили вещь, платите. Пронюра карманник исчез, а инициативный гражданин обозвал меня спекулянткой. Он бросил три рубля на осколки и сказал, что эта посуда больше не стоит. А я ведь за него восемнадцать рублей отдала. Спорить с ним было бесполезно.

Подобрала треху, сунула ее в карман. Посмотрела на осколки, решила их в коробку из-под обуви собрать. Туфельки так и стояли на газетке. Сложила остатки вазы в коробку и закрыла крышкой. Постояла еще полчаса и стала собираться домой. Стала в сумку все складывать, поворачиваюсь, а коробку с осколками кто-то украл. Мне даже смешно стало. Вот он хватает, несет, заворачивает за угол, открывает, а там битое счастье.

Опять день в пустое прошел, да еще и в минус. Пошла в ближайший гастроном, купить кое-каких продуктов на "щедро" выделенные три рубля. Приобрела полтора килограмма говяжьих костей на суп, вышло на полтора рубля. Продавщица дала сдачу мелочью. Я задумалась и забрала ее. Зашла в соседний отдел за овощами, и вдруг поняла, что она мне не отдала рубль. Вернулась, а эта дама утверждает, что я сама растяпа, а она мне все отдала и мерзко так улыбается. Я аж от такой наглости ничего не смогла сказать.

На оставшуюся мелочь купила немного картошки, лука и морковки. Осталось пятнадцать копеек, только на три поездки в автобусе. Докатилась, денег только на проезд. Может все же мне в понедельник повезет и мне отдадут долги.

Дома наварила щей полную кастрюлю, буду, есть всю неделю. Спасибо бабе Вале за квашеную капусту, она отлично прижилась в супе. Как там мой Петенька, что он там ест.

У меня по понедельникам с утра пар нет. Взяла два Петиных пальто и отправилась в комиссионку. Ему каждый год по службе выделялось пальто осеннее или зимнее, обувь на один из сезонов, головной убор. Давали талоны и мы шли либо покупали, либо шились в специализированном ателье. У него за годы работы этих пальто новых накопилось целый шкаф.

Девушка в комиссионке внимательно осмотрела пальто, одно и второе.

– Сколько вы за них хотите? – спросила она.

– Двести рублей, – тихо сказала я, боясь что она сейчас мне откажет.

– Хорошо, вот вам квитанции на одно и на другое, – выписала она мне бумажки, – Получать деньги приходите с паспортом. Сразу предупреждаю, сейчас не сезон и размер неходовой, так что может висеть и две недели и месяц. Через две недели, если они не продадутся, то мы уценим на десять процентов.

Я кивнула головой и поставила на прилавок Петины финские зимние сапоги. Он их практически не носил, они ему давили. Она их сразу схватила и стала вертеть в руках.

– Сколько? – спросила она, затаив дыхание.

– Сто, – ответила я.

– Приходите через три дня за деньгами, – сказала она и выписала квитанцию.

Пальто она сразу повесила в зал, а вот сапоги на витрину так и не попали. Значит, в среду мне точно отдадут за них деньги.

Заскочила к Пете на работу, прошла сразу в бухгалтерию. Всех девочек из отдела я хорошо знала. Обратилась к главбухше с просьбой отдать его зарплату, что тут началось. Она подняла такой крик, она так вопила, что я проходимка, и что мой муж взяточник, и все в том же духе. Выскочила оттуда вся в слезах и соплях. В спину услышала злорадный возглас: "Так ей и надо, пусть теперь на свою учительскую зарплату поживет, покрутится, как мы".

На работе мне вернули вместо обещанных двадцати рублей один рубль. Вот это даже было не смешно. Кое-как отвела занятия. Коллектив меня избегает. Сажу в кабинете одна и смотрю на этот злосчастный рубль, куда его применить и что на него купить. Тут заходит Юленька, вся светится от счастья, в новой блузке.

– Поздравьте меня Надежда Петровна, мне предложили работу мастером профессионального обучения в ПТУ с окладом в 120 рублей, плюс за руководство будут двадцать рублей доплачивать. А еще мне папенька расщедрился и прислал двести рублей. Я себе вот блузку новую купила. И у меня сегодня свидание с летчиком, он между прочим военный, старший лейтенант, – щебетала она.

– Поздравляю, значит, увольняешься от нас? А жить где будешь? – спросила я.

– Там общежитие дают малосемейку, – она радостно улыбалась, – Я тут, на полставки останусь, уже договорилась с деканом. Будет у меня хорошая зарплата, больше вашей.

– Я рада за тебя, – я ей улыбнулась.

– А у вас, как дела? – спросила она.

– У меня все хорошо. Ты, прости, мне болтать некогда, сейчас супруг домой придет, а ужин не готов.

Я быстро собралась и направилась к выходу.

– Надежда Петровна, вы меня простите, пожалуйста, мне на свидание сегодня идти, а юбки никакой подходящей нет. Вы мне что-нибудь не одолжите? – она хлопала ресницами и смущалась.

– Нет, Юленька, боюсь, ты в моих юбках утонешь, до них тебе еще размера два, а то и три набрать.

– Я ушью, – сказала она.

Я остановилась и внимательно на нее посмотрела.

– Юля, у соседок по общежития найдется что-то подходящее и модное, и ушивать не придется, – ответила я с нажимом.

– Ну, да, – ответила она разочарованно, – Вы правы.

– Удачи тебе на свидании, – сказала я и вышла из кабинета.

Часть пятая

Шла домой, и обида меня душила, кругом одни лицемеры, хотя я наверно просто раньше на это внимание не обращала. Отмахивалась от видных мелочей, а сейчас все повылазило, как прыщи при юношеском взрослении. Не буду сегодня об этом думать, домой приду щей поем, книжку какую-нибудь хорошую почитаю, телевизор посмотрю.

Зашла в магазин купила сметаны и хлеба, полкило серых макарон и плавленый сырок. Завтра с собой на работу возьму макароны с сыром, не каждый же день щи таскать. Оставила мелочь только на проезд. Завтра может быть, еще кто-нибудь сподобится мне отдать долги.

Пужинала, щи со сметаной и свежим хлебушком вкусно. Села за телефон и стала обзванивать Петиных должников, но ничего особенного не вышло. Кто-то бросал трубку или начал кричать, что вас не слышно, кто-то просил дать ему время, хотя бы недельку. Некоторые должники обещали обязательно отдать, но на следующей неделе. В свете последних событий, я так и думала, что все так и будет.

Положила трубку, и телефон забренчал у меня. Теперь с меня требовали отдать долг. Сообщила абоненту, что его плохо слышно и выдернула телефон из розетки. Посмотрела новости, почитала книжку и отправилась спать. Не все так плохо, мне пока еще есть, что поесть, и где жить.

Вторник был расписан с утра до вечера, приехали учителя для повышения квалификации. Немного отвлеклась от тяжелых мыслей. Вообще я люблю свою работу. Все детство мечтала быть учительницей. После седьмого класса уехала в город, в училище поступила. Потом несколько лет учила ребятшек. Как-то предложили по рабочей путевке получить высшее образование. Отучилась в институте, тут и работать осталась преподавателем.

Среда, сегодня нужно зайти в комиссионку за деньгами, надеюсь мне отдадут за сапоги. Весь день провела на работе в волнении и с мыслями о том, что вдруг опять что-то случится и я останусь с голым пупом. В обед декан собрал весь коллектив у себя в кабинете и сообщил, что нужно скинуться на очередное день рождение. Сказала, что за меня рубль отдаст наш лаборант, он мне должен.

– Надежда Петровна, у вас, что денег нет? – возмутился начальник, ибо выдрать рубль с нашего молодца очень сложно.

– Василий Викентьевич, откуда же они будут, если у меня весь институт в долг берет, а не отдает. Вы вот тоже у меня заняли пятерку до зарплаты несколько месяцев тому назад, сколько уже этих зарплат было, а долг до сих пор не вернули.

Он открыл рот, посмотрел на меня и тут же захлопнул. Я демонстративно встала и вышла из кабинета, некогда мне ляды точить, у меня еще две пары и пообедать нужно. Проглотила за пять минут слипшиеся холодные макароны с плавленным сыром в пустой аудитории. Открыла кабинет и запустила студентов.

Половина седьмого, надо успеть в магазин, он работает до семи. В автобусе обнаружила, что посеяла последнюю мелочь на проезд. Пришлось делать вид, что я за него заплатила. Не успела доехать, зашли контролеры, выскочила на остановке, не доехала одну. На улице моросил противный дождик.

Перед носом вдруг появились цветастые юбки и маленький чумазый мальчик лет четырех, который взирал на этот мир с удивительным любопытством.

– Молодая, золотая, позолоти ручку, а я тебе погадаю, всю правду расскажу, что было, что будет, чем сердце успокоится, – услышала я характерный говор.

Подняла глаза, предо мной стояла молодая цыганка с малышом на руках. Улыбалась своими золотыми зубами и протягивала ко мне руку. Девушка была колоритной, вся в золоте, и

весьма красивой, я даже на миг залюбовалась ей. Она тряхнула ладошкой, и завела шарманку про молодую и золотую.

– Нет у меня денег, нечего мне тебе дать, – развела я руками.

– Ой, прямо так и нечего, мне детей кормить надо, я же не милостыню прошу, а погадать предлагаю, – она снова улыбнулась.

Тут я вспомнила про Юлин пяточок, думаю, что толку от него, а цыганка хоть бублик пацаненку купит.

– Подожди, сейчас, – сказала я и стала рыться в сумке.

Она насмешливо на меня смотрела. Вынула пятак и уже собралась ей в ладошку класть. Женщина, как глянула на него и руку убрала. От удивления у меня кошелечек то из рук и выпал. Мальчонка его то ли случайно, то ли из хулиганских побуждений ножкой в грязь и втоптал. Посмотрела я на это безобразие, кошелечек то жалко, но он же вязанный его теперь и не отстираешь.

– Не надо мне такой монетки, она не для меня предназначена, а для тебя, – покачала она головой.

– Но у меня больше нет никаких денег, – ответила я удивленно.

– Совсем, совсем?

– Вообще, – стерла я со щеки то ли слезу, то ли каплю дождя.

– Все так плохо? – она участливо на меня посмотрела.

– Угу, – кивнула я головой, почему-то незнакомому человеку признаться в своем финансовом крахе было легче, чем своему окружению.

– А скажи как ты мне золотая моя, когда у тебя финансы ай-нэ-нэ петь начали до появления монетки, или после? – она прищурила один черный глаз.

Я на мгновение задумалась.

– Сначала все пошло кувыркком, а потом мне подарили кошелек с монеткой, а потом стало еще хуже, – ответила я.

– Это хорошо, просто замечательно, это поправить можно. Вот когда у тебя горы золота и ты вся такая богатая, получаешь такой подарок, то и избавиться от этого сложно. Ну, а если терять особо нечего, только неприятности, то все можно вывернуть себе на благо.

Она зажала мою руку с пяточком в кулаке и стала произносить.

– Монетка мне на удачу, врагу на отдачу, что хотела взять, бери из пустых карманов, а мне возвратись с прибылью.

Три раза за ней повторила. Отпустила она мою руку.

– А теперь позолоти ручку, – протянула мне ладошку.

Хотела опять пяточок положить.

– Э нет, дорогая, это твоя монетка, оставь ее у себя и никому не отдавай. Поищи в сумке, может найдешь чего для меня.

Пожала я плечами и стала рыться в сумке, к своему удивлению обнаружила кошелечек с мелочью, который давеча потеряла. Вытащила я ей двадцать копеек и положила в ладошку.

– Беги золотая, там тебя ждут, – она сунула монетку куда-то в складки своей юбки.

Взяла мальчонку за руку и пошлепали с ним по грязи и по лужам.

Я рванула в комиссионку, которая находилась в универсаме. Проход мне перегородила дородная тетка продавщица.

– Закрыто уже, без пятнадцати семь, надо было раньше приходить, – она посмотрела на меня исподлобья.

– Мне там, деньги, – я тыкала пальцем куда-то за ее спиной.

– В комиссионку что ли?

– Угу, – кивнула я.

– Беги быстрее, – она пропустила меня вперед, а мужика толкнула в грудь, – Куда лезешь, видишь закрыто.

В комиссионном отделе стояла та девушка, что принимала у меня ботинки и пальто.

– Я думала, вы сегодня и не придете уже. Вы представляете, мы одно пальто продали. Мужчина сказал, что через неделю придет за вторым. Если есть, какие вещи мужские такого размера, то несите, он может, купит. Жаловался, что на себя ничего нельзя подобрать, что он не стандартный.

Она отсчитала мне триста рублей, забрала квитанции и записала мою фамилию в тетрадке. Я поблагодарила девушку и понеслась счастливая домой. Завтра надо еще что-нибудь с утра в комиссионку принести, глядишь, так и с долгами рассчитаюсь.

Часть шестая

Около подъезда меня уже ждал Петин товарищ, трезвый. Поздоровался, начал лебезить. Вынула ему четыре бумажки по двадцать пять рублей и сунула молча в руку.

– Не проси больше ничего, – ответила ему и направилась в подъезд.

– Как там Петр Алексеевич? – крикнул мне в спину приятель.

– Нормально, всем приветы передавал, – ответила я не поворачиваясь.

Я спешила домой, сегодня должен позвонить следователь. Раз в неделю меня вызывали в комитет, допрашивали. Передачи Пете были не положены, приказ сверху, взяточникам ничего не передавать, письма от них не брать и им не давать. Благо следователь человечный попался, все передавала через него, он мне и письма от Петра отдавал и я для него оставляла.

Только забежала в коридор и телефон задребезжал. – Надежда Петровна, здравствуйте, – услышала я знакомый голос, – Вы завтра ко мне во второй половине дня подойти сможете? В три час?

– Добрый день, Ефим Егорович, у меня две пары завтра, заканчиваются в два часа. Если опоздаю, ничего страшного? – спросила я, соображая, как мне лучше поступить.

– Я вам пропуск выпишу, будет лежать до четырех часов, – сказал следователь.

– Спасибо, – ответила я, попрощалась и положила трубку.

Надо было собрать что-то мужу в СИЗО, а у меня ничего нет. Есть деньги, а магазины уже все закрыты. Хорошо, что у меня завтра пары не сразу с утра, может что-нибудь и смогу купить, хотя бы чай, сигареты, сахар. Он у меня не курит, но сигареты там всегда ценятся.

Скоро у мужа юбилей, встретит свое пятидесятилетие за решеткой, с горечью подумала я. Он ведь у меня воевал, медали есть, а там к нему относятся хуже, чем к вору-рецидивисту даже им передачи положены, а моему нет.

С такими грустными мыслями поплелась я на кухню, разогревать себе щи из говяжьих костей. Надо будет шкаф перебрать, Петины вещи, если есть покупатель, то надо что-нибудь отнести в комиссионку. Он у меня неизбалованный, у него два любимых костюма, которые он носит, а остальное пылится в шкафу.

Снова задребезжал телефон. Поднимаю трубку, а там начальство Петино.

– Здравствуйте, Надежда Петровна, а что вы за мужниной зарплатой не приходите? Не нужна? – поинтересовался он басом.

– Здравствуйте, Вениамин Сергеевич, так ваши девочки прогнали меня из бухгалтерии, – ответила я.

– Вы завтра ко мне с утра заходите, я вам все уже приготовил, и сумку большую возьмите, тут для него паек лежит, – бодрым голосом сообщил он.

Значит завтра с утра комиссионка отменяется, не успею все за утро сделать. Ну, да ладно, зато зарплату Петину отдадут, да и паек лишним не бывает, может там для него что-нибудь будет, что передать можно.

Утром вскочила ни свет, ни заря. ГЛАВК работает с восьми утра, в девять у них планерка, нужно успеть до нее, а то мне к десяти на работу. Еще по магазинам надо пробежаться, передачку собрать.

Пять минут десятого я уже была перед кабинетом начальника. Секретарша пыталась меня остановить, но я влетела в кабинет, отодвинув ее своей обширной пятой точкой.

– Ой, Наденька, ты сегодня ранняя пташка, – он распахнул свои объятия и похлопал меня по спине.

С мужем они работали вместе более десяти лет. Познакомились на войне, так с тех пор и оставались друзьями-приятелями. Он усадил меня за стол. Открыл ящик и вытащил конверт с деньгами.

– Вот смотри, четыреста рублей с копейками – это зарплата, еще четыреста рублей – это отпускные, а вот двести – это премия. Прости, но больше выбить не смог, – он раскладывал деньги по кучкам, – Пересчитывать будешь?

– Нет, я тебе верю, – я взяла в руки конверт и положила рядом на стол, – Как там Машенька?

– Жинка моя цветет и пахнет, еще больше стала, еще краше. Приходи к нам на ужин какнибудь. Как Петьку забрали, так ты и носа не кажишь к нам.

Он встал и подошел к шкафу. Из него вынул огромный бумажный сверток, перетянутый бечевкой.

– Чуть про паяк не забыл, – он положил его предо мной на стол.

Оттуда потянуло чем-то копченым.

– Слушай, Петя же и тебе должен, пятьсот рублей кажется, – вспомнила я записи мужа, там правда эта сумма под вопросом стояла.

– Нет, нет не надо, – у Вениамина забежали глаза.

– Почему не надо, он же взял у тебя в долг?

– Не надо Наденька, тебе сейчас и так трудно. К тому же их все равно тогда забрали, – сказал он и осекся.

– Забрали? – удивилась я, и тут я начала понимать, – Ты, ты, так это твои деньги были, так это из-за них Петьку забрали.

Мое лицо перекопилось от злости, обиды.

– Вы же вместе воевали, дружили. Как ты мог? Почему не признался, что это твое? Ты предатель и взяточник, – стала кричать на него.

– Наденька, прости, прости, бес попутал. Хочешь я тебе еще денег дам, только не кричи пожалуйста, – он схватил меня за руки.

– Да пропади ты пропадом, – я сунул мужнину зарплату в сумку, схватила паяк и выско-чила из кабинета.

За мной выбежал Вениамин.

– Надежда Петровна, умоляю вас, только не говорите никому, – начал просить он.

В приемной с ноги на ногу переминался Иван, водитель мужа. Он быстро со мной поздоровался, я ему кивнула.

– Ваня, отвези меня пожалуйста домой, – попросила я.

– Да, Ваня, отвези Надежду Петровну домой, – приказал Вениамин.

– Веник, ради твоих семерых детей, я никому ничего не расскажу, но будь человеком признайся сам, – ответила я с горечью.

– Да, да, Наденька, ты моя спасительница, – он было кинулся целовать мне руки, но я вырвалась и отправилась прочь из кабинета.

Вот так друг называется, на войне они спины друг другу прикрывали, а в мирное время подставил человека, и в ус не дует. Петя его не сдал, ведь знал чьи это деньги и не сдал, а теперь не известно сколько ему сидеть.

Дома развернула паяк. Сгущенка, тушенка, пачка чая, блок импортных сигарет, сахар-рафинад, две пачки печенья, все это отправится к Пете. Себе я оставила рыбные консервы, майонез, сосиски, копченую колбасу и рыбу, колбасный и обычный сыр. Еще была разная крупа и пачка муки. Не плохой такой паяк, и как вовремя. Жаль, что Вениамин оказался вдруг и не друг.

До начала занятий еще час, успею и в комиссионку сбегать. Взяла парочку Петиних костюмов и пару сорочек, свои туфли. В другую сумку положила паяк для мужа и отправилась в магазин. Приняли у меня вещи без разговоров. Туфли спрятали под прилавок. Выдали квитанции и я отправилась на работу.

Часть седьмая

Пары пролетели, как один миг. Схватила свои сумки и авоськи, и помчалась к следователю. Пропуск меня уже ждал, подхватила его и поднялась в нужный кабинет. Меня встретил Ефим Егорович, следователь по Петиному делу. Это был пожилой, сухопарый и подтянутый мужчина, фронтовик.

– Здравствуйте, Надежда Петровна, проходите, присаживайтесь, – указал он мне на стул, обитый дерматином.

– Ну, что же голубушка приступим? Есть у меня для вас новости, но сложно их назвать хорошими.

Я вся замерла от плохих предчувствий. Он посмотрел на меня внимательно.

– Дело передается в суд. Скорее всего на следующей неделе он и состоится. Вам принесут повестку, – выпалил он.

– Как? Только месяц прошел. Расследуют по несколько месяцев другие дела, а тут сразу в суд, – ахнула я.

– По делу о взятках собирают несколько подсудимых, будут делать показательный суд, – он устало на меня смотрел, – Вашего взяли последним, толком не дали разобраться, прицепят паровозиком к остальным и покатится все, – он махнул рукой.

– Но ведь он же не брал взятки, это не его деньги. Собирал на машину, ему их в долг дали, – воскликнула я.

– Мне дан приказ сверху, я бы рад помочь, да у меня руки связаны.

– Но он же фронтовик, воевал, есть медали, – я все не унималась, – Я даже знаю, чья это взятка, – сказала я в сердцах.

– Я и сам знаю чья это, но мы его не успели за руку поймать. Он уже деньги вашему мужу успел передать. Деньги казенные, надо было вернуть. Ваш не сознается, где их взял, молчит, как рыба, только все твердит, что взятки не брал никогда, – покачал головой Ефим Егорович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.